

DOI: 10.17805/trudy.2023.1.1

ФИЛОСОФИЯ

ПАТРИОТИЗМ, ИДЕНТИЧНОСТЬ, ПАМЯТЬ: ТРАНСФОРМАЦИЯ СМЫСЛОВ В ЭПОХУ РОКОВЫХ СОБЫТИЙ

Т.В. Беспалова

Московский гуманитарный университет

Аннотация: Понятие «политический патриотизм» ввёл Н.Я. Данилевский, считая, что он чужд нашему народу. Однако этот факт не мешал актуализировать именно политический патриотизм в периоды радикальных перемен, приводя к столкновению различных образов Родины и инструментально подчиняя чувство родины политическим интересам, иногда чуждым национальным интересам нашей страны. Обусловленность политического патриотизма внешними обстоятельствами приводит к самым противоречивым событиям, которые приобретают роковой смысл. Трансформация патриотизма, идентичности, памяти предшествует применению насилия в политике, создаёт обоснование для появления новых политических субъектов, которые вытесняют старых. Идеологический и мировоззренческий ответ на современные политические угрозы важен с точки зрения преодоления «рока» событий и подтверждения мессианской роли России.

Ключевые слова: патриотизм; память; идентичность; роковые события; смыслы и ценности; национальная идея; мечта; идеология

PATRIOTISM, IDENTITY, MEMORY: TRANSFORMATION OF MEANINGS IN THE ERA OF FATAL EVENTS

T.V. Bespalova

Moscow University for the Humanities

Abstract: The concept of «political patriotism» was introduced by N.Y. Danilevsky, believing that it is alien to our people. However, this fact did not prevent the actualization of political patriotism during periods of radical changes, leading to a clash of different images of the Motherland and instrumentally subordinating the sense of homeland to political interests, sometimes alien to the national interests of our country. The conditionality of political patriotism by external circumstances leads to the most contradictory events that acquire a fatal meaning. The transformation of patriotism, identity, memory precedes the use of violence in politics, creates a justification for the emergence of new political actors who displace the old ones. The ideological and ideological response to modern political threats is important from the point of view of overcoming the «fate» of events and confirming the messianic role of Russia.

Keywords: patriotism; memory; identity; fatal events; meanings and values; national idea; dream; ideology

Патриотизм в условиях традиционных тринитарных войн обычно сплачивает общество перед внешней угрозой, а в эпоху гибридных войн в определённой степени утрачивает интегративную функцию, превращаясь в политтехнологию в управляемых военно-политических процессах, суть которых в трансформации исторического и национального мировоззрения, раскола коллективной идентичности, памяти, создании иной ценностной картины мира и возникновения другого народа.

Обычно, обосновывая дискуссионность по вопросу природы возникнове-

ния патриотизма, его сущностных черт обращаются к философскому наследию П.Я. Чаадаева, как наиболее парадоксальному и противоречивому, но тем не менее, получившему поддержку в определенных кругах российской интеллигенции. «Чаадаевский» патриотизм запомнился не просто как первая яркая форма русского национального нигилизма, но и как серьёзное философское обоснование псевдопатриотизма, который, обозначался как отсутствие у русского народа «цивилизованной любви к родине». Во многом, это и одна из первых попыток разделения рационального и иррационального проявления патриотизма, «сознательного патриотизма» и «инстинктивного», когда предпочтение отдаётся первому, т.к. только в этом случае, по Чаадаеву, возможна критика (унижение, бичевание, огорчение) родины, только не ложь и обман (Чаадаев, 1991).

Критика Н.Я. Данилевским «чаадаевского» патриотизма воплотила себя в обосновании теории культурно-исторических типов и двух форм проявления патриотизма – народного и политического. Патриотизм, по Данилевскому, как русское народное чувство, естественная любовь к самобытному славянскому государству – безусловен, не знает сомнений, убежден в особости (исключительности) предмета любви. Активное проявление патриотизма можно наблюдать в эпоху роковых событий, радикальных перемен, когда высшей ценностью, не меркнувшей перед страхом смерти, становится Родина. Исключительной мерой проявления активного народного патриотизма считается смерть во имя Отчизны. (Данилевский, 1991).

Внешний политический патриотизм сводится к возможности борьбы с Отечеством ради ценностей свободы и человеческого благоденствия. Данилевский удачно связывает мировоззренческую установку в стремлении стать европейской цивилизацией, вне учета самобытности России как особого культурно-исторического типа с феноменом внешнего политического патриотизма. «Я люблю своё Отечество, но должен признаться, что проку в нём никакого нет...» – метафизической основой такого патриотизма является сомнение в себе, несостоятельность собственного духа, потребность в искусственном одухотворении.

Внешний политический патриотизм неприемлем для России, т.к. суть прогресса, по Данилевскому, в возможности «всё поле исторической деятельности исходить в разных направлениях...», да и невозможна внешняя сила государства без крепости его внутреннего содержания.

События 2022 г. оказались не менее неожиданными, чем 2020 г. Мир погрузился в эпоху войн нового типа (ментальных, информационно-психологических, бесконтактных, «войн беспилотников» и других), к которым человечество оказалось не готово. Тенденцией современного политического времени стала масштабная трансформация идентичности, патриотизма, памяти.

Что происходит с коллективной идентичностью в эпоху перемен? Как меняется привычный смысл «идентификации идентичности» как процесса обретения

комплекса идентичностей? Почему в эпоху революций, войн, роковых событий, которые иногда условно обозначают понятием «черный лебедь», идентичность не укрепляется как раньше перед внешней угрозой, а напротив, атомизируется на множество идентичностей? Существует ли взаимосвязь между характером новых типов войн и трансформацией коллективной идентичности?

Очевидно, что в XXI в. возник такой тип войны, который нам пытаются преподнести как новое состояние мира (идея Арона о трёх типах войны и четырёх типах мира). Мир и война два состояния человечества, которые сменяют друг друга, однако в последние годы возникло ощущение жизни в период «войны», которую не называли и не называют войной в привычном для нас понимании. В информационном поле сталкивается несколько версий в отношении происходящих событий, что затрудняет процесс обретения обществом приоритетного типа коллективной идентичности. Прежняя коллективная идентичность утрачивается («советский народ»), а новая не обретается или обретается в сложных и противоречивых формах. Трансформация приоритетного типа коллективной идентичности используется различными политическими силами для создания мировоззренческого фундамента и утверждения новой идентичности – политической, национальной, культурной.

История человечества, это во многом, история войн. К XXI в. научное поле обогащается целым рядом понятий «кошмарная война», «информационная война», «психологическая война», «абсолютная война», «террористическая война», «война как самоцель», «война без причины», «война как политическая акция», «кибер-война» и другие (Беспалова, 2020). Например, информационная война или кибер-война может занять несколько секунд, после чего управление всеми ресурсами в государстве будет захвачено. Поэтому, рефлексия в отношении происходящих с нами процессов требует выработки механизмов укрепления идентичности во всей сложности её форм и проявлений, т.к. именно идентичность, память и патриотизм становятся эффективным ресурсом в войнах нового типа. Сценарии сложные и провокативные, народы, сражаясь за интересы Родины, в том числе за искусственно созданный политический образ Отчизны, на самом деле могут подрывать цивилизационные основы России.

«Война идентичностей» стала одной из ключевых тем XXI в. не только в России, на постсоветском пространстве, но и в мире. Такой тип войны не нуждается в новейших типах оружия (кроме «когнитивных» или «ментальных»), она предшествует войне в её традиционном понимании как вооружённого противостояния, становится подготовкой для кардинальной смены культурного кода народа, нации, цивилизации. Столкновение родственных братских народов в таких войнах не без участия Запада становится возможным по причине ориентации народов на различное политическое будущее. Этнополитические проекты России и Украины не совместимы, тогда как разрыв родственных отношений происходит болезненно в условиях современной военно-политической реальности.

Противоречивое восприятие «управляемой гражданской войны» на Украине обусловлено дискуссией по вопросу интеграции постсоветского пространства,

связанной с необходимостью реализации идеологического проекта с целью возрождения Союзного государства в новой политической форме. Однако, в России пока нет определённости по вопросу приоритетности политического проекта, что не способствует конструктивному решению конфликта.

Проблема «идентификации идентичности», с одной стороны связана с устойчивым желанием большинства людей реального мира, единства, сохранением в памяти народа (особенно в советский период) подлинной дружбы народов, а с другой, пока отсутствием серьёзных политических лидеров, проектов и условий для реализации возникших интересов, и потребностей.

Наиболее актуальна для обозначения сущностных черт патриотизма в эпоху роковых событий концепция Н. Бердяева, т.к. осмысление философом этой темы также происходило в эпоху радикальных событий. Патриотизм как любая добродетель может послужить актуализации зла, если формируется не там, не так и не к стати. Аксиологическая обусловленность патриотизма, инстинкт исторической правдивости, связанный с божественным предназначением России и необъяснимой верой в неё, по Бердяеву, являются критерием истинного патриотизма.

Необходимо отметить, что именно Бердяеву принадлежит идея о столкновении различных образов России в период радикальных перемен (Бердяев, 2007), если актуализировать эту идею в русле осмысления феномена патриотизма, то можно вести речь о противоборстве разного политического будущего России и инструментальном использовании ценности служения в военно-политических, революционных и иных радикальных процессах. В связи с этим, патриотизм в политике теряет свою интегративную значимость, а в политической борьбе побеждает сила, которая смогла учесть социокультурный запрос, патриотические традиции народа и содержание внешней и внутренней угрозы.

Патриотизм как ценность встраивается в различные политические проекты, подчиняясь доминирующей в них идейно-политической ориентации (либеральной, националистической, социал-демократической, консервативной и др.) и меняет свою смысловую значимость. Например, левоориентированные партии обычно ведут речь об интересах трудового народа, справедливом и сильном Отечестве, либералы – о правах человека и свободном развитии личности, о создании условий для самореализации личности, консервативные силы – о необходимости защиты традиционных ценностей, самобытности России как государства-цивилизации, особом пути и месте в мире и т.д. Использование патриотизма в политике связано с созданием образа будущего России (имперско-монархический проект, евразийский, несоветский, либеральный, консервативный и др.) на основании различного настоящего и прошлого.

На протяжении нашей истории можно наблюдать формирование «русского» патриотизма, «советского» патриотизма, «российского» патриотизма и иных форм политического патриотизма – гражданского, национального, государственного. Хотя взаимосвязь государственного и политического патриотизма сложная, они могут совпадать по форме и содержанию, но могут находиться и в состоянии оппозиции. Па-

триотизм может выступать мотивацией не только защиты государства и существующего политического режима, но и протестных, революционных, военно-политических процессов, что привносит не только дополнительные риски в политический процесс, но и возможность трансформации существующей политической системы, прихода к власти новой политической силы и создание иного политического образа России. Игнорировать этот факт невозможно особенно в эпоху роковых событий, когда, мотивируя свои действия именно патриотизмом, ориентированным на разное политическое будущее, субъекты политики сталкиваются в жестокой борьбе.

Процессы, которые происходят с исторической памятью в последние годы не сводимы к масштабной фальсификации истории, а также связаны с возникновением нескольких версий исторической памяти, взаимоисключающих друг друга. Как можно в литературе условно обозначить «белый лик», «красный лик» и «русский лик» патриотизма (понятия ввёл Бондаренко), так и конструирование памяти опирается на различное историческое прошлое, выбор «символических фигур памяти», «мест памяти» других значимых событий прошлого для формирования настоящего и будущего.

В современных «войнах памяти» уничтожение памяти противника о его великих победах и героях становится одним из основных условий достижения поставленной цели, так как приводит к исчезновению ее носителя, даже без военного вмешательства.

Умалить роль Советского Союза в разгроме фашистской Германии, предать забвению подвиг советского народа, оправдать попытки ряда стран по уравниванию «тоталитаризмов» – эти и подобные деструктивные тенденции рассчитаны на практически несформированное историческое самосознание российской молодежи. Если раньше индивидуальная память множества индивидов создавала общее полотно истории, то сейчас эти множественные версии исторической памяти стали доминировать над историей, разрушая привычное единство российского (в прошлом советского) народа.

«Память о прошлом не имеет ничего общего с научной историей» (Ассман, 2004) – этот тезис представляется важным, совершенно не отрицает научность исследования, а скорее усложняет восприятие прошлого и придает ему дополнительную прикладную значимость.

Национальную память предлагается рассматривать как память, которая организуется в русле формирования национальной идентичности и соотносится с возникающим в обществе социокультурным запросом. Память ведь «не просто продолжается, но должна каждый раз по-новому учреждаться, сообщаться и усваиваться» (Ассман, 2004), что требует её институционализации в новых государственных и политических формах. Государственные институты в периоды острой политической борьбы транслируют различные версии культурно-исторической памяти, что приводит к конкуренции групп памяти в самом обществе. Именно так возникают конфликтные версии памяти, каждая из которых в период трансформации общества может претендовать на статус национальной памяти.

Таким образом, во всех сферах культурной деятельности в периоды серьёзных социальных перемен (театр, кинематограф, выставки и пр.) можно заметить острое противоборство этих идейно-политических предпочтений – «войны памяти» (Беспалова, Поцелуев, Расторгуев, 2021).

В эпоху роковых событий реализация системной политики памяти и забвения, конструирование цивилизационной, национальной и гражданской идентичности, формирование национально-ориентированного мировоззрения трудно достижимая задача по причине противоборства политических сил, особенно без идеологического обоснования государственной политики. Идеологический ответ России (патриотизм, социализм, экологизм – тема отдельного исследования) на вызовы политического времени неизбежен. Возрождение Союзного государства в новом идеологическом измерении (Беспалова, 2022) – единственный путь интеграции постсоветского пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ассман Я. (2004) Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности, М.: Языки славянской культуры. 368 с.

Бердяев Н.А. (2007) Падение священного русского царства, М.

Беспалова Т.В. (2020) Искусственный интеллект в современных военно-политических и социокультурных процессах //Роботы заявляют о своих правах. Коллективная монография. Владивосток, С.38–45.

Беспалова Т.В., Поцелуев С.П., Расторгуев В.Н. (2021) Национальная память в эпоху перемен, М., 208 с.

Беспалова Т.В. (2022) Возрождение Союзного государства в новом идеологическом измерении: символический ресурс СССР/ Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, С. 24–30.

Данилевский Н.Я. (1991) Россия и Европа. М., С. 65.

Чаадаев П.Я. (1991) Полн. собр. соч. Т. 1. М., С. 537.

Беспалова Татьяна Викторовна – доктор философских наук, профессор кафедры философии, социологии и культурологии Московского гуманитарного университета. Адрес: 111395, Россия, г. Москва, ул. Юности, д. 5. Тел.: +7 (499) 374-60-21. Эл. адрес: tvb09@bk.ru

Bespalova Tatiana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies of the University for the Humanities. Address: 5 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia. Tel.: +7 (499) 374-60-21. Email: tvb09@bk.ru

---

Для цитирования:

Беспалова Т.В. Патриотизм, идентичность, память: трансформация смыслов в эпоху роковых событий. 2023. № 1. С. 4–9. DOI: <https://www.doi.org/10.17805/trudy.2023.1.1>